

— Тогда когда увидимся? В сам день рождения вы наверняка заняты с другими?

Спрашиваю, хотя и так догадываюсь. Сам себя за это ненавижу. Выуживаю информацию о нем из разговоров с Ли Джэсоком, а потом снова и снова переспрашиваю его самого.

Ни о чем не подозревающий Со Джинхёк ответил безучастно:

— Нет. В этот день я ни с кем не встречаюсь.

В его глазах на мгновение промелькнул странный блеск.

— Не люблю людей.

Непривычно цинично. Он и раньше казался человеком, пропитанным скукой, но такую откровенную враждебность демонстрировал впервые.

Джинхёк быстро взял себя в руки, но я втайне поразился этой резкой перемене. Впрочем, следующие его слова заставили меня забыть об этом.

— Можем встретиться в тот день. Мне все равно не с кем видеться. Увидимся вечером.

Хорошие новости. Я и не надеялся на встречу в его день рождения. Кончики пальцев покалывало от азарта. Скрывая бешено колотящееся сердце, я мягко проговорил:

— Мне приехать к вам домой?

Он пристально смотрел на меня и долго молчал. Колебался? Ответ последовал скоро:

— Хорошо.

— ...

— До встречи.

Снова нацепив мягкую улыбку, мужчина зашагал по тропинке, подгоняя меня:

— Я просил упаковать вам с собой якву, так что заберите.

— Да!

Глядя на его удаляющуюся спину, я почти бегом последовал за ним. Никакого чувства вины за то, что пользуюсь добротой Со Джинхёка, у меня не было.

— Будешь подниматься — купи один колд-брю. И себе что-нибудь.

— Понял.

Я сбросил звонок Ли Джэсока, зашел в ближайшее кафе, заказал колд-брю и американо для себя. Обычно в это время я убираюсь у него дома, но сегодня случай особый. Ли Джэсок вызвал меня в студию.

Сказал, поработать на побегушках. За это обещал списать один день уборки.

Хоть он и назвал это «побегушками», было ясно: он просто выполняет обещание показать мне знаменитостей. Он упомянул, что на сегодняшней съемке будут топовые айдолы. Судя по названию группы, их знал каждый встречный.

Айдолы меня не особо интересовали, но я охотно согласился. Было любопытно взглянуть на съемочную площадку, да и в последние дни поймать Ли Джэсока стало задачей не из легких. Из-за этого я никак не мог расспросить его о вкусах Со Джинхёка.

Дело не в том, что Ли Джэсок сутками торчал в студии или корпел над снимками. Он просто отказывался прекращать развлекаться. Наверстывал упущенное за время работы время с таким остервенением, что один день пропадал в мастерской, а на другой — валялся в кровати в стельку пьяный, пока я отпаивал его похмельным супом.

Можно спросить у самого Со Джинхёка, но я уже пробовал, и он уклонился от ответа.

Когда мы возвращались из ресторана «Сонхэджон», договорившись о домашнем обеде, я сидел на пассажирском сиденье и прикидывал меню. Спросил, что он любит. Он лишь загадочно улыбнулся и сказал, что подойдет что угодно. Мол, готовьте то, что у вас лучше всего получается.

Для меня это прозвучало скорее как равнодушие, чем как забота или снисходительность. Ему плевать, приготовлю я пасту из покупного соуса или разогрею полуфабрикат. Даже если я подам такое, он все равно улыбнется и скажет, что сейчас во всех заведениях так делают, так что все нормально.

Это мои фантазии, вряд ли он скажет слово в слово, но смысл будет тот же. В общем, он заранее решил, что похвалит любую мою стряпню. И, зная мнение Ли Джэсока, я не видел в этом доброты.

Сказал бы он хоть, какую кухню предпочитает — вот это была бы забота. А «готовь то, что умеешь»... Во рту стало горько.

Я ведь правда хорошо готовлю.

Стало даже обидно. Я даже полез в телефон проверять, как получить сертификат повара корейской или западной кухни. Хотя сначала надо бы школу окончить.

Ладно, после обеда он наверняка передумает. Кажется, я зажрался. Раньше я места себе не находил, лишь бы перекинуться с ним парой слов, а теперь расстраиваюсь, что он не сказал то, что я хотел услышать. Смешно.

Успокаивая себя, я забрал кофе. Лето — на пластиковых стаканах тут же проступили капли конденсата. Я быстро зашагал под палящим солнцем к студии. Кожа на затылке мгновенно начала гореть.

Стоило открыть дверь студии на пятом этаже, как меня обдало ледяным воздухом. Под шум нескольких кондиционеров я почувствовал себя живым и осторожно начал искать глазами Ли Джэсока.

Внутри царил хаос. Сотрудники таскали осветительное оборудование, едва не сталкиваясь и выкрикивая команды. Среди этой суеты Ли Джэсок нашелся быстро. Он стоял у камеры.

Только я собрался подойти к нему, пока он серьезно что-то обсуждал с коллегой, как меня

преградил раздраженный голос:

— Сюда можно только персоналу.

Какой-то парень смотрел на меня, нахмурившись. Даже через маску чувствовались его усталость и нескрываемая неприязнь.

Я растерялся и забормотал:

— Э-э, меня позвал знакомый...

— Кто? Вы на съемку?

Он чуть смягчился и принялся меня разглядывать. Я уже хотел поднять пакет с кофе и сказать, что я помощник Ли Джэсока, как вдруг:

— Асель, пришел?

— Хён.

Ли Джэсок, видимо, закончил разговор и, заметив меня, подошел размашистым шагом. Я расплылся в улыбке при виде спасителя.

— Вы знакомы?

Стафф в замешательстве переводил взгляд с меня на фотографа. Он явно пытался понять, в каких мы отношениях.

Ли Джэсок положил руку мне на плечо.

— Ага. Это я его позвал. Он мой ассистент, пропусти.

— Да, фотограф Ли.

Парень мгновенно превратился в кроткую овечку. Я покосился на него и протянул Ли Джэсоку напитки:

— Вот. Ваш колд-брю.

— Спасибо. Усок, устрой его где-нибудь. Пусть немного посмотрит и идет.

— Понял.

Сотрудник, который только что на меня рычал, вежливо поклонился Ли Джэсоку и притащил складной стул. Он еще раз зыркнул на меня и убежал работать. От него исходил слабый феромон альфы. Видимо, из рецессивных.

Вскоре приехали айдолы, и в студии стало еще жарче. Они вежливо поздоровались и сразу скрылись в гримерке. Всю съемку они только и делали, что красились и бесконечно переодевались.

Наблюдая со стороны, я впервые осознал: грим для фотосессий накладывают очень густо, но под мощными софитами он кажется едва заметным.

Ли Джэсок в рабочем процессе выглядел настоящим профессионалом. Я сидел, потягивая кофе через трубочку, и лениво наблюдал за суетой.

Когда задница уже начала неметь, объявили перерыв. В студии, где до этого слышались только щелчки затвора и команды Ли Джэсока, снова закипела жизнь. Пока все разбились на кучки и болтали, Ли Джэсок просматривал кадры в поисках удачных.

Я уже насмотрелся, а следующего перерыва можно было ждать вечность. Я собрал мусор, проверил телефон и кошелек.

Лучше уйти сейчас, пока съемка на паузе. Похоже, сегодня выведать вкусы Со Джинхёка не получится.

— Извините.

Я осторожно поднялся, но кто-то меня окликнул. Это был тот самый сотрудник, встретивший меня на входе.

Он со смущенным видом потирал затылок.

— Да?

Я напрягся, гадая, что случилось, но, к моему удивлению, он решил извиниться.

— Простите за ту грубость. Сегодня айдолы приехали, все на нервах. Видели людей с «пушками» на улице?

— С пушками?

Видя, что я не понимаю сленга, он поправился:

— С камерами. Огромными такими.

— А-а.

Я вспомнил тех девушек у входа. Камеры у них и правда были гигантские, раньше таких не видел.

— Да, видел.

— Сасэны, наверное... В общем, фанатки, которые по пятам за ними таскаются. Сегодня их тьма. Вот я и перестраховался, подумал, кто-то прорвется, нам конец. Извините еще раз.

— Да ничего, все нормально. Понимаю, работа такая.

Он не уходил. Я замер в неловкой позе, чувствуя, что он хочет сказать что-то еще. Наконец, он решился:

— Я Кан Усок. Здесь помогаю, но вообще я модель. Мне двадцать два.

Он спустил маску, показывая лицо. Не соврал — и правда красавчик. Я уже хотел спросить, к чему это внезапное резюме, как почувствовал его феромоны.

Намерение стало очевидным. Соблазнение.

— У тебя есть кто-нибудь? — Кан Усок застенчиво улыбнулся, сморщив нос.

Я невольно огляделся. Кажется, до нас никому не было дела.

Что ответить?

Тот, кто нравится, есть, но мы не встречаемся. Поколебавшись, я ответил честно:

— Нет.

— Тогда запиши мой номер. Будет скучно — зови.

Он сунул мне свой номер в телефон и, услышав, что его зовут, убежал. Я в замешательстве пару раз включил и выключил экран, после чего убрал мобильный в карман.

Странно. Тот, кого я люблю, на меня даже не смотрит, а первый встречный альфа дает номер и предлагает развлечься. Звонить я ему, конечно, не буду, но на душе стало как-то беспокойно.

— Что, номер дал?

Ли Джэсок материализовался за спиной с ухмылкой.

— А, да.

— Точно. Ты же омега.

Он смотрел на меня с любопытством, будто только сейчас это осознал.

Ли Джэсок — бета, и повода вспомнить о моей природе у него не было, пока не подкатил другой альфа. Со Джинхёк всегда держал дистанцию, а Ли Джэсок не по парням, так что я для него был просто работником.

— Все альфы в моем окружении встречаются только с девушками-омегами, вот я и забыл.

— Обычно так и бывает.

Со Джинхёк, скорее всего, не исключение. Мне не особо хотелось знать о его бывших, так что я пробормотал что-то невнятное. Наверняка он выбирал себе под стать.

Ли Джэсок, истолковав мою реакцию по-своему, легонько толкнул меня в плечо:

— Чего такой кислый? Типа, ты и так популярен? Оно и понятно, но лицо у тебя слишком уж скучающее.

— Да не особо.

Тема была неудобной. Я даже немного испугался — вдруг это дойдет до Со Джинхёка? Хотя вряд ли его это заденет.

Джэсок, не замечая моего состояния, продолжал подначивать. Он явно решил, что я просто стесняюсь.

— Я видел его в деле, парень неплохой. И слухов за ним плохих нет.

Раньше я бы, может, и попробовал. Красивый альфа-ровесник. К тому же течка скоро, да и Ли Джэсок рекомендует. Это ведь не на всю жизнь, не замуж выходить. Повстречаться и разбежаться — чего проще?

Но не сейчас. Я не готов. Докатился — боюсь, как бы Со Джинхёк не узнал про этот чертов номер. Тяжелый случай.

— Даже не знаю.

— В твоём возрасте надо гулять. Я в эти годы из клубов не вылезал. Девчонки за мной очередью от Каннама до Хондэ стояли.

От такой наглости я чуть не прыснул.

— Вы и сейчас там вечно пропадаете.

— Что значит «вечно»? Всего пару раз в неделю.

Он ответил развязно, явно гордясь собой.

— Давно в Корее не был, вот и дорываюсь. Хотя, старею, наверное — здоровье уже не то.

Я хотел посоветовать ему беречь себя, но промолчал — не мое дело. Даже когда мы так сидим и болтаем, он мой работодатель. У Ли Джэсока очень четкие границы, прямо как у Со Джинхёка. Одного поля ягоды.

Да и если он собственную добрую мать не слушает, то мои советы ему точно до лампочки.

— В общем, мне сейчас не до этого. Надо к экзаменам готовиться.

Сказал и сам чуть не засмеялся. «Из-за учебы не до свиданий». Да я зубами грызу эту ненавистную науку только ради того, чтобы продвинуть свои дела на любовном фронте.

К счастью, Ли Джэсок легко поверил:

— А, точно. Ты же абитуриент. Во время учебы лучше ни с кем не мутить. Я в выпускном классе с девчонкой связался и весь экзамен завалил. Мать тогда меня чуть налысо не побрила.

Похоже, Ли Джэсок и в школе был тем еще фруктом. Я представил его маленького и лысого и едва сдержал смешок.

— Хотя Со Джинхёк вряд ли так с тобой поступит.

— Он сказал, что я могу и провалиться, ничего страшного.

— Ой, притворство сплошное. Я думал, он будет трястись над тобой как сумасшедший родитель. Характер-то у него паршивый.

Ли Джэсок всегда описывал Со Джинхёка как какого-то другого человека.

— Я как-то не замечал.

Джэсок хмыкнул.

— Он вообще-то жутко придирчивый. Перфекционист до мозга костей. В детстве даже здоровье за его гонором не поспевало.

— Настолько?

— В начальной школе, если он не мог с собой совладать от злости, потом несколько дней с температурой валялся. Мы все в шоке были. Это он сейчас с возрастом характер придушил.

На этот раз я не стал его защищать, просто улыбнулся. Я ничего не знал о детстве Джинхёка, так что крыть было нечем. Оставалось только завидовать Ли Джэсоку, который знает его всю жизнь.

Кстати, о перфекционизме.

Это слово и подходило Со Джинхёку, и нет одновременно. Для меня он был не злым педантом, а спокойным и чутким мужчиной. Человеком, способным извиниться перед незнакомым сиротой.

Если это и есть перфекционизм, то это определенно хорошее качество.

— А в еде он тоже придирчив? — воспользовавшись моментом, я вставил вопрос, который не давал мне покоя.

— М-м... Сложно сказать.

Ли Джэсок немного подумал и вынес вердикт:

— У него почти нет любимых блюд, так что ест он всё. А раз ест всё, то и выделить что-то сложно. Поэтому мы всегда ходим в те рестораны, которые нравятся мне.

Значит, это было не равнодушие ко мне, а просто равнодушие к еде? Я не знал, радоваться или расстраиваться. Смесь облегчения и недоумения.

Что же тогда приготовить? Я не ждал, что он будет прыгать от восторга. Просто хотелось, чтобы время прошло приятно.

— Хотя... есть кое-что, что он ест охотнее остального.

Под конец разговора мне удалось вытянуть из Ли Джэсока список блюд, которые Со Джинхёк «хотя бы» любит. Когда выяснилось, что он не жалуется японскую кухню с обилием морепродуктов, я покосился на Ли Джэсока — знал ведь и все равно потащил его туда.

Тот заметил мой взгляд и смущенно буркнул:

— Я же сказал: «не жалуется», а не «не ест» или «ненавидит». Я поэтому в тот день и заплатил.

Получив нужные сведения, я пообещал Ли Джэсоку приготовить говяжий суп с сушеной капустой и отправился домой.

С самого начала он радовался корейской еде, и остался верен своим вкусам. В последнее время корейские рестораны появились и в Америке, но блюда там всё равно подгоняли под местные вкусы, да и выбор был не особо богатый. Так что, похоже, он решил перепробовать всё, что только можно, пока находится в Корее.

<http://bllate.org/book/17249/1731545>